

разработки. Кроме того, инструменты, такие как Notion AI и SlidesAI, значительно упрощают рутинные задачи, позволяя генерировать документы, презентации и визуальные элементы по запросу. Эти технологии способствуют повышению эффективности работы специалистов и созданию более привлекательного контента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукина, М. М. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / М. М. Лукина. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – 348 с.
2. Шестеркина, Л. П. От медиатекста к медиабренду: к вопросу о взаимодействии журналистики, рекламы и PR в конвергентных СМИ / Л. П. Шестеркина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 50–55.

Балковский А.И., магистрант
очной формы получения образования
Научный руководитель – Козленко Е.Ю.,
кандидат педагогических наук, доцент

ФЕНОМЕН КНИГИ В ПОСТПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ЭПОХУ

На протяжении всех этапов развития человеческой цивилизации, соразмерно развивалось и отношение представителей цивилизации к книгам. Мы проследим, как был охарактеризован феномен книги, начиная с модерна, а также предложим свое видение на данный феномен уже в современную эпоху, называемую постпостмодерном (или метамодерном). В разное время данной темы касались такие исследователи как В. А. Маркова, Ю. Н. Столяров, М. П. Ельников, М. Н. Куфаев, А. А. Беловицкая, Г. Н. Швецова-Водка, М. И. Акилина; широко известны для нас зарубежные мыслители Х. Л. Борхес,

У. Эко, М. Маклюэн, Ж. Делёз и др.

В эпоху модерна, при котором религия подвергается всевозможной критике, во главе угла становится человек. Именно во времена модерна широко распространилось книгопечатание, позволившее людям расширить свои знания об окружающем мире. В эту эпоху более значимой становится роль автора: важна его биография, ход мысли в момент написания произведения, больше внимания уделяется фактору психического. Именно в позднем модерне появилось одно из первых определений книги в контексте книговедения, которую сформулировал библиотековед М. Н. Куфаев: «...книга – продукт человеческой психики и природа ее психическая [...] Индивидуальное, материализуясь, становится социальным» [цит. по: 3]. Мы можем предложить «Улисс» Дж. Джойса как явление, лучше всего отображающее феномен книги в эпоху модерна. Используем рассуждения психоаналитика К. Г. Юнга по поводу «Улисса»: «конечно же, у романа есть содержание, оно представляет нечто; но я подозреваю, что Джойс ничего не собирался «представлять». Представляет ли она *ego* самого – может, она объясняет его солипсистскую изолированность, эта драма без зрителей, полная отчаянного презрения к прилежному читателю?» [9]. Таким образом, в эпохе модерна основным актором в социокультурном восприятии книги становится её автор.

В постмодернистскую эпоху уже язык становится тотальным, и, как пишет доктор философских наук М. А. Можейко: «[из этого вытекает] понимание языковой реальности как единственной и исчерпывающе самодостаточной, т. е. не нуждающейся во внеязыковом гаранте» [6]. Вместе с упадком роли «Богачеловека» в модерне, приведшим к появлению культа личности и нацизма, упала и роль автора в социокультурной коммуникации. «Ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [1, с. 387] – пишет Р. Барт в своей знаменитой статье «Смерть автора». Постмодернистской традиции также присущи децентрализация и слияние высокой и низкой культуры. Именно на этот период приходятся определения книги в монографии книговедов А. А. Беловицкой: «...это система смыслов, выраженная понятиями,

суждениями, определениями, терминами. ... книга – это способ отражения и средство формирования сознания (обыденного, религиозного, научного, этического, эстетического, правового, политического, экономического и т. д.). Это книга как всеобщее» [цит. по: 3] и М. И. Акилиной: «...это произведение индивидуального сознания, превращенное в произведение общественного сознания...» [цит. по: 3]. В данных определениях книговедов ярко проставлены акценты на «всеобщем» статусе книги: книга перестает принадлежать автору после ее завершения и предоставляется читателю для создания его собственного, персонифицированного опыта. Такие книги как «Имя Розы» У. Эко и «Парфюмер» П. Зюскинда направлены на широкий круг читателей, несмотря на их интеллектуальную наполненность и наличие большого количества метаотсылок на другие произведения мировой культуры.

М. А. Можейко предлагает интерпретировать всю постмодернистскую культуру и феномен книги, в частности, через концепты «номадологии» и «ризомы» Ж. Делёза и Ф. Гваттари, изложенные ими во втором томе цикла «Капитализм и шизофрения». В начале этого тома авторы также пробуют сформулировать феномен книги, ее сущность: «книга, как сборка, является лишь самой собой – в соединении с другими сборками» [2, с. 7] и далее «мы не будем искать того, что следовало бы понять в книге, но мы спросим о том, с чем она функционирует» [2, с. 8]. Исходя из этих предпосылок, мыслители выводят два типа книги: книга-корень и книга-ризома [2, с. 8–10]. К первому типу они относят классическое представление о книге, имеющее строгий стержневой вид: физическая, бумажная, написанная определенным автором и предоставленная определенному кругу читателей. Такое представление о книге встречается и поныне. Нельзя утверждать, что оно неверно, но следует отметить, что понятие феномена книги с тех пор успело значительно расшириться. Книга-ризома – это тип, которому присуще отсутствие конкретной формы и необязательность в структурности. Для ризомы близки такие характеристики и принципы как: неоднородность, симбиотизм, множественность, возобновляемость. С таким ветвящимся форматом чтения книги связан упомянутый ранее концепт

«номадологии», или кочевничества. Человек, родившийся в эпоху постмодерна, никогда не сосредоточен на чем-то одном, он находится в постоянном поиске новых позиций и состояний. Книговед Г. Н. Швецова-Водка в своем определении книги указывает на то, что «форма книги может быть любой – электронная, видеокассета, пластинка, магнитная лента и т. д.» [цит. по: 3]. Нельзя не упомянуть и достижения исследователя философии культуры М. Маклюэна, работы которого повлияли на развитие современного книговедения, который, подобно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, указывает на номадическое состояние человека при взаимодействии с книгой. «Когда новая технология расширяет одно или несколько наших чувств, вынося их вовне, в социальный мир, то в этой культуре формируется новое соотношение всех наших чувств» [5, с. 62] – пишет М. Маклюэн.

Но почему на данном этапе нельзя просто остановиться и согласиться с тем, что на сегодняшний день мы замерли в эпохе постмодерна, у которой нет никаких альтернатив? Далее приведем ряд аргументов против данного утверждения и при помощи новейших философских исследований выявим характеристики и принципы, которые лучше всего описывают феномен книги в постпостмодернистскую эпоху.

Ни один из представителей постструктурализма, цитируемых В. А. Марковой в монографии «Книга в социально-коммуникативном пространстве» (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр и др.), не считал и не относил себя к постмодернизму, а в конце XX века и вовсе либо заявлял о своем разочаровании в данном направлении, либо просто указывал на свою непричастность к нему. Поздние работы Ж. Бодрийяра и выведенный им термин «гиперреальность» легли в основу первой книги, которая явно критиковала эпоху постмодерна за авторством А. Крокера и Д. Кука [7, с. 180]. Уже в середине 1980-х годов авторы призывали к тому, чтобы описывать современную им культуру новыми категориями – ультрамодернизмом и гиперэстетикой. Первые попытки критики постмодерна возникли не случайно. Основой этой критики является развенчание идеи о «конце истории», объявленной Ф. Фукуямой в 1989 году в одноименной

книге, в которой утверждается безальтернативный статус прогрессивного глобализма в мире, а значит – постмодернистской эпохи. Как можно видеть сегодня, идеи глобализма и универсализма пребывают в явном кризисе, а значит и постмодерн, некогда считавшийся всепоглощающим, теперь начинает отходить в прошлое.

Но движение в сторону новой эпохи происходит не в виде полного разрыва, как это было с премодерном и модерном, а плавно перетекает, вбирая в себя наиболее ценные концепции представителей постмодернистской эпохи. Так, например, философ и культурный критик М. Фишер пишет: «Маршалл Маклюэн правдоподобно утверждал, что под воздействием изменений, вызванных развитием и распространением технологий, даже сама наша нервная система становится быстрее» [8, с. 105]. Основными концепциями новой эпохи становятся текучесть и мобильность, а основной точкой сборки – киберпространство. «Киберпространство отправило концепцию «рабочего места» в прошлое. Теперь, когда предполагается, что на электронное письмо можно ответить практически в любое время, работу нельзя ограничить определенным местом или рабочими часами» [8, с. 43] – утверждает Фишер. В развитие идей М. Маклюэна стоит также упомянуть британского философа Н. Ланда, который сравнивает появление книгопечатания с культурным взрывом. И вместе с этим распространение сети Интернет по мнению Ланда было вторым таким весомым взрывом в истории человечества. По убеждению философа, технологический прогресс не является постепенным или линейным; он характеризуется внезапными скачками, которые коренным образом меняют общество [4]. Здесь же отметим и весомые успехи в развитии искусственного интеллекта, который в соавторстве с пользователем уже способен написать приключенческую историю, драму или детектив, которая порой даже не уступает «живой» беллетристике. Но о действительно хорошей и качественной литературе со стороны ИИ говорить все же рано. Таким образом, книга в постпостмодернистскую эпоху – это продукт коллективного (в том числе нечеловеческого) происхождения, представленный в разнообразных формах,

содержащий в себе информацию, направленную на расширение чувственного и когнитивного опыта человека (пока еще), и подверженный видоизменению в пространстве и времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
2. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. – 895 с.
3. Загаров, К. С. Книга как феномен культуры / К. С. Загаров // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 8. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2012/08/16535> (дата обращения: 04.03.2025).
4. Ланд, Н. Телеоплексия: заметки об акселерации / Н. Ланд // Логос. – 2018. – Т. 28, № 2. – С. 21–30.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклэн. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
6. Можейко, М. А. Постмодернистское переосмысление феномена книги: внегутенберговское бытие книжной культуры / М. А. Можейко // СМИ и современная культура : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – С. 377–403.
7. Павлов, А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время / А. В. Павлов. – 3-е изд., доп. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 584 с.
8. Фишер, М. k-punk. Избранное/ М. Фишер ; пер. с англ. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2024. – 192 с.
9. Юнг, К. Монолог «Улисса» / К. Юнг. – URL: <https://james-joyce.ru/articles/ung-monolog-ulysses.htm> (дата обращения: 04.03.2025).